

— Конечно! Это неоспоримый факт! — громко сказал Смит. Он ведь был не учёным, а всего лишь бизнесменом, а патенты и прибыль были тем, что он ценил больше всего.

Смит не ожидал, что цель этой поездки будет достигнута так гладко. Этот тиран Мерсадона не поспешил на самые сладкие похвалы, расхваливая Ли Чжэна с головы до ног, так что Дэвид просто разинул рот. Неужели это тот самый мистер Смит, к которому нельзя было приблизиться и который смотрел свысока, как он его знал??

В этот раз Смит не стал обращать внимание на гримасы, которые строил Дэвид. С широкой улыбкой он достал из сумки толстое соглашение.

— Мистер Ли Чжэн, по-вашему, по-сянцзянски, язык никогда не сравнится с пером, — Смит странным тоном вытянул китайскую фразу.

Ли Чжэн одним взглядом пробежался по нему — это было соглашение о его добровольном отказе от прав на патент карбапенемовых антибиотиков, английская и традиционная китайская версии. Видимо, они пришли подготовленными.

Ли Чжэн легонько рассмеялся и, не тормозя, достал ручку из нагрудного кармана и чисто и быстро подписал своё имя в месте для подписи.

Улыбка на лице Смита стала ещё шире. Он сделал вид, что хочет забрать соглашение, но Ли Чжэн с улыбкой положил соглашение на журнальный столик и прижал его авторучкой.

— Я вдруг вспомнил об одной вещи и хотел бы обсудить её с мистером Смитом, — сказал Ли Чжэн.

Возможно, из-за шаблона контракта, в соглашении был пункт, отмечающий страны и регионы первой партии выпуска имипенема: США, Канада, Великобритания, Франция, Италия, Сянцзян и так далее.

Не было Хуаго.

Ли Чжэн только тут вспомнил, что имипенем впервые вышел на мировой рынок в 1985 году, но только в 2007 году в Хуаго появился первый имипенем-циластатин.

Целых 22 года. Ли Чжэн не знал, сколько хуагожэней за эти 22 года из-за отсутствия в стране имипенема были бы вынуждены отчаянно ждать смерти.

— Здесь добавьте Хуаго, — Ли Чжэн авторучкой добавил два иероглифа «Хуаго» после Италии.

Смит и Кент переглянулись. Хуаго? В глазах людей мира в 80-е годы образ Хуаго был не таким уж прекрасным: страна закрыта, экономика отстала. В 1979 году, когда премьер Дэн в Хьюстоне смотрел соревнования по верховой езде и махал ковбойской шляпой, западные СМИ истолковали это как знак того, что Хуаго идёт к открытости и старается интегрироваться в мир.

Ковбойская шляпа заставила зарубежные СМИ так взволноваться — это также с боку отражало, насколько закрытым и отсталым был образ Хуаго в западном мире того времени.

— Хотя население Хуаго велико, их спрос на лекарства невелик, да и цена на имипенем для них недорогой. У меня нет оснований убеждать отдел бизнеса открывать такой скудный рынок, — с трудом сказал Смит.

Ли Чжэн покачал головой, с силой толкнул соглашение перед Смитом и Кентом.

— Тогда я дам вам основание. Я... — он указал на себя, — хугожэнь. И у этого хугожэня есть способ смягчить нефротоксичность имипенема.

С регистрации основного патента в 1976 году до выхода на рынок в 1985 году — целых девять лет. Если Ли Чжэн не ошибался, команда исследователей Мерсадона как раз застряла в этом узком месте.

— У вас есть способ! — Кент хлопнул по столу и в возбуждении встал. — Хорошо, я согласен! Только бы прошло утверждение на выпуск лекарства, Хуаго точно будет среди стран первой партии!

Кент был руководителем исследовательской лаборатории Мерсадона, а также носил титул вице-президента, отвечающего за исследования и разработки. Хотя он обычно не управлял делами, его право голоса было самым тяжёлым среди нескольких вице-президентов.

Смит круглыми глазами посмотрел на него, он хотел говорить, но Кент свирепо посмотрел на него, заставив замолчать. Президенты текут, а начальник исследовательской лаборатории — как железо. Пока из его лаборатории выходят результаты исследований, ему не нужно бояться Смита!

Ли Чжэн угадал правильно. Выход имипенема на рынок застрял на клинических испытаниях лекарства. Как и у карбапенемовых антибиотиков, извлечённых Ли Чжэном, у имипенема была сильная нефротоксичность. Из-за этого два добровольца-испытателя лекарства навсегда закрыли глаза.

Эти девять лет лаборатория Мерсадона безостановочно пыталась найти способ смягчить нефротоксичность, в последние годы уже были некоторые успехи, но всё ещё было определённое расстояние до суровых стандартов американского FDA.

Услышав, что Ли Чжэн успешно извлёк карбапенемовые антибиотики, в сердце Кента даже возникла мысль подкупить персонал FDA и скрыть результаты биологических испытаний, чтобы ускорить продвижение имипенема на рынок.

Конечно, если можно было бы позволить имипенему успешно выйти на рынок правильным путём, это было бы лучше всего.

— Есть немного идей, конкретные вопросы технического сотрудничества пусть директор Чэнь обсудит с вами, — с улыбкой сказал Ли Чжэн. Патентные права на имипенем он не будет оспаривать, но технология улучшения лекарства тоже стоит каких-то долларов, верно?

*

В пятницу вечером интервью Ли Чжэна «Личность века» транслировалось на BBC одновременно во всём мире.

Праведно возмущённые жители Сянцзяна увидели по телевизору молодого человека, который говорил с опущенными глазами, и возбуждение, вызванное «Тремя вопросами» газеты «Сянцзян Жибао», медленно улеглось.

Когда гнев улёгся, медленно вернулся рассудок.

В инциденте с инфекцией резистентных штаммов бактерий успех больницы Мэри хвалили даже зарубежные СМИ, но почему их собственная газета в Сянцзяне была однобокой, делая материал на шести умерших от инфекции пациентах?

«Риск применения неиспытанного лекарства в клинике, давление за чудом!»

«Личность века, игра жизни и морали!»

«Доверие — лучшее лекарство от противоречий между врачами и пациентами!»

На следующий день общественное мнение почти всего Сянцзяна перевернулось.

— Влияние этого Ли Чжэна и правда велико, старый Ван вчера вечером звонил, уже сделанные верстки пришлось печатать заново, типография добавила 12 часов ночной смены, утром газета чуть не ушла в «небо», — Шэнь Ваньнянь, говоря это, положил кусок нарезанного стейка в рот.

— Чирк... — В просторном ресторане раздался резкий звук трения чая о фарфор при наливании. Брови Ян Ваньжу крепко нахмурились, взгляд недобро посмотрел на Чжао Цюхуа.

Чжао Цюхуа слегка подняла голову, взгляд прошёл сквозь Ян Ваньжу и упал на экран телевизора неподалёку. На экране на том знакомом лице было незнакомое спокойствие и уверенность.

— Я поела, — Чжао Цюхуа вдруг положила нож и вилку. Звук удара металла о прибор был звонким и мощным.

Шэнь Хунцзи взглянул на тарелку Чжао Цюхуа, где оставалась большая половина стейка, мягко сказал:

— Доем ещё немного, или если любишь хуагоскую еду, пусть сестра Лю приготовит.

Чжао Цюхуа покачала головой, не сказала лишнего, кивнула Шэнь Ваньняню и Ян Ваньжу, взяла куртку со стула и направилась наружу.

Шэнь Хунцзи горько улыбнулся, тоже положил столовые приборы в руки и встал.

— Папа, мама, я тоже поел, — сказал он, взял куртку и быстрыми шагами побежал вдогонку.

Ян Ваньжу пришла в ярость.

— До смерти злюсь! Конечно же, из захолустья, взять такую невоспитанную невестку — это действительно мне наказание!

Шэнь Ваньнянь холодно бросил на неё взгляд.

— Во время еды меньше говори.

Ян Ваньжу замерла, взгляд прошёл по дочери, которая ела с опущенной головой, и двум пустым тарелкам, в сердце неудовольствие к Чжао Цюхуа достигло пика.

— Цюхуа, только что же всё было хорошо, почему опять рассердилась? Я знаю, у мамы плохой характер, но в этот раз... — на лице Шэнь Хунцзи была полная беспомощность.

Шэнь Хунцзи и Чжао Цюхуа были однокурсниками по университету, они познакомились в

романтической Франции. В то время Чжао Цюхуа была весёлой и величественной, полной уверенности и энергии, она активно участвовала в деятельности клубов, в собраниях китайских студентов, в движениях за права женщин. Когда остальные ещё заикались по-французски, Чжао Цюхуа уже свободно владела английским, французским, немецким и даже немного итальянским. В сердце тогда интровертного Шэнь Хунцзи Чжао Цюхуа была как богиня.

Шэнь Хунцзи тайно влюбился в Чжао Цюхуа два года, под поощрением соседей по комнате набрался смелости признаться богине, и Чжао Цюхуа сразу согласилась. Позже Чжао Цюхуа только сказала ему, что на самом деле тоже давно следила за ним. Студенческая любовь, взаимная тайная симпатия, любовь университета двух была горячей и искренней.

Но счастливое время всегда проходит особенно быстро, четыре года пролетели в спешке, одному нужно было возвращаться в Хуацзин, другому — в Сянцзян. Они договорились, как только вернутся домой, сразу позвонят, чтобы объявить родителям с обеих сторон о своей любви.

<http://bllate.org/book/17704/1653513>